

В соответствии со ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь к доказательствам отнесены любые фактические данные, которые получены в порядке, установленном законом, основываясь на которых, орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу и имеющие значение для правильного его разрешения. Исходя из вышеизложенного, компьютерная информация, имеющая отношение к уголовному делу, является доказательством.

В связи с расширением цифровизации уголовного процесса и с целью урегулирования процесса собирания доказательств в сфере компьютерных технологий уголовно-процессуальный закон дополнен ст. 204¹, которой регламентирован порядок осмотра компьютерной информации, содержащейся в информационных системах либо информационных ресурсах. В соответствии с требованиями ст. 193 и 194 УПК в ходе либо по окончании указанного следственного действия составляется протокол осмотра данной информации, в котором закрепляются его ход и результаты. При этом в соответствии со ст. 99 УПК протокол вышеуказанного следственного действия сам по себе является источником доказательств и не требует дополнительного признания вещественным доказательством.

Как один из частных случаев данного вида осмотра можно рассмотреть ситуации, связанные с необходимостью проведения осмотра мобильного телефона и компьютерной информации, содержащейся в нем. В этом случае целесообразно составление протокола осмотра предмета и компьютерной информации, поскольку без отражения сведений о предмете – носителе информации протокол не в полной мере будет соответствовать требованиям ст. 18 УПК. При этом сам протокол также будет являться самостоятельным источником доказательств. Однако в практике применения данных уголовно-процессуальных норм нередко имеет место признание вещественным доказательством материального объекта – носителя компьютерной информации, например мобильного телефона потерпевшего, в котором содержится переписка со злоумышленником, по уголовным делам о мошенничестве либо о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации. Подобная практика видится ошибочной в связи с тем, что сам по себе предмет – носитель такой информации не является вещественным доказательством, поскольку при удалении из его памяти компьютерной информации, например указанной переписки, данный предмет теряет какое-либо отношение к совершенному преступлению.

В соответствии со ст. 96 УПК вещественным доказательством признается предмет, послуживший орудием и средством совершения преступления, или сохранивший на себе следы преступления, или являвшийся объектом преступных действий. Помимо вышеуказанного к вещественным доказательствам отнесены деньги, иные ценности, добытые преступным путем, и все другие предметы и документы, которые могут служить средствами обнаружения преступления, установления фактических обстоятельств уголовного дела, выявления виновных либо опровержения обвинения или смягчения ответственности обвиняемого.

Природа вещественных доказательств как «немых свидетелей» преступления и их положение среди иных источников доказательств в уголовном процессе исследуются на протяжении многих лет. Длительное время к вещественным доказательствам относились преимущественно предметы материального мира, сохранившие на себе физические следы совершенного преступления, и производные от них. На современном этапе увеличение доли компьютерной информации, имеющей значение для рассмотрения материалов проверок и расследования уголовных дел, влечет за собой необходимость придания ей особой процессуальной формы и дополнительного, более детального исследования ее природы с точки зрения теоретических положений о ее понятии и видах. Отдельные виды компьютерной информации хотя и не имеют фактического материального облика, обладают некоторыми признаками, присущими вещественным доказательствам. Так, вредоносное программное обеспечение в виде вируса, программы-шифровщика или фишингового сайта по своей сути будет являться орудием и средством совершения преступления, а базу данных организации, зашифрованную с целью получения вознаграждения за ее расшифровку, можно отнести к категории объекта преступных действий.

Кроме того, следует рассмотреть случай, когда компьютерная информация как объект, подлежащий осмотру, была удалена с ее носителя, например переписка со злоумышленником из памяти мобильного телефона, однако ее владелец до удаления выполнил скриншоты, которые в последующем распечатал и предоставил органу, ведущему уголовный процесс, в ходе выемки. В полной мере предоставленные сведения не могут быть отнесены именно к компьютерной информации, хотя и являются ее производными. В таких случаях видится возможным признание предоставленных распечаток вещественными доказательствами как документов, которые могут способствовать установлению фактических обстоятельств уголовного дела.

С учетом всего вышеизложенного можно заключить, что развитие современного информационного общества в условиях значительной его цифровизации влечет за собой и эволюцию уголовного процесса, в том числе в части собирания доказательств по уголовным делам, связанным с компьютерной информацией и компьютерными технологиями. Вместе с тем в зависимости от сложившейся следственной ситуации имеются определенные особенности осуществления процесса уголовно-процессуального доказывания, которые требуют дополнительного разъяснения в рамках их практического применения.

УДК 343.132

К.И. Леонова

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Законодательство Российской Федерации, касающееся производства следственных действий, отвечает признанным правилам и нормам, но в определенные моменты требует совершенствования. Особое внимание должно быть уделено производству следственных действий с участием несовершеннолетних. Их неустойчивая психика, возраст, специфика развития личности требуют применения специальных правил участия в следственных действиях.

Наглядно демонстрируя особую защиту прав несовершеннолетних участников следственных действий, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит специальные нормы, которые носят охранительный характер. К таким нормам относится привлечение дополнительных лиц при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего.

Обязательность привлечения законного представителя, защитника, педагога или психолога при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля регламентируется ст. 191 УПК РФ. Аналогично ст. 425 УПК РФ регламентируется такое привлечение при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого.

Не вызывает сомнения, что участие указанных лиц играет положительную роль не только с обеспечительной точки зрения, но и в контексте получения необходимого результата следственного действия.

Производство следственных действий с участием несовершеннолетних требует от следователя (дознателя) наличия специальных знаний и навыков не только в области юриспруденции, но и в сфере психологии и педагогики. Конфликтные ситуации при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних возникают чаще, чем с участием взрослых. Данное обстоятельство является объяснимым, так как подростки более, чем взрослые, склонны к созданию конфликтных ситуаций. Поэтому установление психологического контакта между следователем (дознателем) и несовершеннолетним вне зависимости от его процессуального статуса является одной из главных задач для выполнения всех целей производимого следственного действия.

Главную роль в установлении такого контакта играют психолог и педагог. Уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует выбор между психологом и педагогом, а оставляет его за следователем (дознателем). По его внутреннему убеждению необходимо выбрать одного из специалистов в своей сфере – либо психолога, либо педагога.

В случае привлечения педагога и психолога при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего возникает проблема определения их процессуального статуса, так как в УПК РФ отсутствует его закрепление.

Некоторые авторы справедливо приходят к выводу о необходимости процессуального закрепления статуса таких участников следственных действий с участием несовершеннолетнего и отнесения их к одной из групп участников уголовного судопроизводства.

По мнению Е.В. Марковичевой, корректировке правил допроса несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля должна была предшествовать четкая законодательная позиция по вопросу процессуального статуса психолога, его процессуальных прав и обязанностей и требований, предъявляемых к нему. Определенным шагом на пути решения данной проблемы могло бы стать отнесение психолога к специалисту с последующей корректировкой норм, содержащихся в ст. 58 УПК РФ.

В.А. Антонов, В.А. Виноградова, В.В. Николюк справедливо отмечают, что в ст. 191 УПК РФ не перечислены права педагога и психолога в связи с участием в следственных действиях. Авторы указывают, что права этих участников ограничены и в связи с участием в следственных действиях в порядке ст. 191 УПК РФ их целесообразно дополнительно наделить правами. Мы согласны с мнением авторов, так как уголовно-процессуальная регламентация процессуального статуса как педагога, так и психолога требует закрепления для более четкого понимания участия этих лиц в следственных действиях с участием несовершеннолетнего.

Что же касается определения педагога и психолога, то понятие «педагог» регламентировано п. 62 ст. 5 УПК РФ, под которым понимается педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Напротив, понятие «психолог» не регламентируется уголовно-процессуальным законодательством, что вызывает много вопросов со стороны ученых-процессуалистов.

Таким образом, педагог и психолог являются связующим звеном между несовершеннолетним участником следственных действий и следователем (дознателем). Их процессуальный статус и четкое определение, бесспорно, требуют уголовно-процессуального закрепления.

УДК 343.98

В.М. Логвин

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВЕРСИИ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Расследование преступлений представляет сложную познавательную деятельность. Перед лицом, осуществляющим расследование, стоит множество задач, которые в самом общем виде закреплены ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Важным логическим инструментом решения этих задач являются версии. В процессе раскрытия и расследования преступлений их чаще всего называют следственными (криминалистическими) версиями.

Изучение судебно-следственной практики свидетельствует о том, что правильное, целенаправленное использование мышления в форме следственных версий приводит к полному, всестороннему объективному установлению обстоятельств совершенного преступления. Такой позиции придерживается подавляющее большинство следователей (лиц, производящих дознание), что подтверждается данными обобщения положительного опыта в виде анализа конкретных фактов расследования преступлений.

Вместе с тем многие следователи недооценивают значение следственных версий в своей практической деятельности, полагаясь в большей степени на жизненный и профессиональный опыт. В процессе расследования они проверяют различные догадки, мысли, соображения и при этом во многих случаях получают доказательственную информацию по уголовным делам.